

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151

EDN: DQMSRU

УДК 81'42

Научная статья / Research article

Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста

З.Д. Асратян

Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Российская Федерация

Хулунбуирский университет, Хулунбуир, КНР

✉ asratyan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены наиболее частотных по употреблению и значимые для смыслообразования лингвистических терминов. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, разнообразием подходов к определению данных терминов и их интерпретации, а, с другой стороны, необходимостью их конкретизации для облегчения научной коммуникации и лингвистического анализа. Цель исследования — рассмотреть эти понятия и обосновать наш к ним подход и их трактовку. Используются как общетеоретические, так и лингвистические методы исследования. Особое внимание уделяется феноменологическому анализу при рассмотрении самих терминов, а также семантическому, категориально-конституентному, позиционному и прагматическому анализу при исследовании эмпирического материала. Рассмотрены понятия текста, дискурса, единицы текста — диктемы, языковой личности автора, нарратора и читателя/слушателя. Показаны различия между понятиями текста и дискурса. Обоснован эвристический потенциал диктемы в качестве минимальной единицы текста. Диктема исследуется и с элементаристских, и с холистических позиций, как фрактал, формирующий пространство целого текста по синергетическим законам. Подчеркивается идеологическая роль языковой личности и при создании, и при восприятии текста. Проведен лингвистический анализ англоязычного текста с целью выявления в нем денотативной и концептуальной информации в ее идеологическом и эстетическом проявлении. Отмечена роль сильных позиций текста в передаче концептуальной информации. Рассмотрена функция воздействия в художественном и в публицистическом произведении, которая, в первом случае, имеет в основном эмотивный характер, а, во втором, — манипулятивный. Показана взаимообусловленность концептуальных приоритетов создателя и потребителя публицистического текста.

Ключевые слова: текст, дискурс, диктема, языковая личность, фрактал, функция воздействия.

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Асратян З.Д. Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 138–151. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>

© Асратян З.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Text, Discourse, Dicteme, Language Personality as Basic Concepts of Text Linguistics

Zoya D. Asratyan

MISIS University of Science and Technology, Moscow, Russian Federation

Hulunbuir University, Hulunbuir, China

✉ asratyan@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the consideration of the terms, which are the most frequently used and significant for the formation of meaning in linguistics. The relevance of the study is, on the one hand, determined by the variety of approaches to their definition and interpretation, and, on the other hand, by the necessity to specify them to facilitate academic communication and linguistic analysis. The purpose of this work is to consider a number of such concepts and substantiate our approach to them and their interpretation. The study uses both general theoretical and linguistic research methods. Particular attention is paid to phenomenological analysis while considering the terms themselves, as well as semantic, categorical-constitutive, positional and pragmatic analysis while studying empirical material. There are considered the concepts of text, discourse, dicteme as a text unit, language personality of an author, or a narrator and a reader/listener. The article analyzes differences between the text and discourse concepts. The work substantiates heuristic potential of a dicteme as a minimum text unit. The dicteme is studied both — from elementary and holistic approaches, as a fractal that forms the space of the whole text according to synergistic laws. The study emphasizes the ideological role of a linguistic personality both at the stages of creation and consumption of a text. There is carried out a linguistic analysis of an English literary text in order to identify denotative and conceptual information in its ideological and aesthetic manifestation in it. The study highlights the role of strong positions of text in the transfer of conceptual information and considers the function of influence in an artistic and media works, which, in the first case, is mainly emotive in nature, and, in the second, manipulative. It underlines the interdependence of the conceptual priorities of the creator and consumer of a media text.

Keywords: text, discourse, dicteme, linguistic personality, fractal, function of influence

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Asratyan, Z.D. (2024). Text, Discourse, Dicteme, Language Personality as Basic Concepts of Text Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 138–151. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>

Введение

Есть существенное различие в понятиях, используемых в точных и гуманитарных науках. Понятия точных наук однозначны и не требуют никаких разъяснений и уточнений. Так, биссектриса, катет, гипотенуза, масса, сила и т.д. не нуждаются ни в каких дополнительных пояснениях. Иное дело науки гуманитарные, которые тоже оперируют научными понятиями, но понятия эти не строгие, и их понимание и трактовка могут значительно отличаться от автора к автору. Это существенно затрудняет научную коммуникацию, так как трактовки понятий могут отличаться. Цель данной работы рассмотреть ряд таких понятий и обосновать наш к ним подход и их трактовку. Данные

понятия выбраны для анализа, с одной стороны, в силу высокой частотности употребления и, с другой стороны, благодаря их значимости для смыслообразования текста. Сложность задач, вытекающих из поставленной цели, обусловлена в значительной степени многомерностью текстовой феноменологии.

Методология

В работе используются общетеоретические методы исследования: анализ, синтез, сравнение, интерпретация. Применяется феноменологический анализ, который предполагает созерцание феномена как его очевидность; феноменологическую редукцию, заключающуюся в критическом осмыслении научных знаний о феномене; феноменологическое интуирование, подразумевающее формирование интуитивного представления об объекте исследования; сам анализ, который является осмыслением всех сторон и характеристик исследуемого феномена для выявления его инвариантной смысловой структуры, и, наконец, феноменологическое описание, т.е. определение феномена.

Кроме того, при анализе текстового материала в статье используются лингвистические методы исследования: семантический анализ, категориально-конституентный анализ, который представляет собой предикацию темы произведения к его авторскому концепту, метод позиционного анализа для выявления синергетических аспектов текста, прагматический анализ при рассмотрении функции воздействия.

Текст

Начнем с базового понятия всей гуманитарной науки — текста, проблемами исследования которого занимались многие ученые. Однако, в зависимости от исследовательских позиций и задач, методологических установок, а также из-за сложности и многоплановости самого текста они рассматривали и выделяли различные его аспекты, что и нашло отражение в тех определениях, которые они ему давали.

Так, в тексте видели и «супер-предложение» [1. С. 23], и единицу значения [2. С. 2; 3. С. 18; 4. С.16], и единицу коммуникации [5. С. 6; 6. С. 5], и своего рода концепт [7. С. 62–63; 8. С. 10]. Некоторые исследователи в качестве текста рассматривают только письменный документ [2. С. 18]. М.Я. Блох видел в тексте «тематически организованную речь — письменную или устную, законченную или незаконченную, жанрово маркированную или немаркированную» [9. С. 5].

Когда мы пытаемся рассматривать тексты произведений, особенно произведений художественных, то «незаконченность и жанровая немаркированность текста» представляется серьезным препятствием для любого их анализа.

Впервые опосредованно эту проблему обнаружил Р. Барт и отразил ее в своей статье «От произведения к тексту», где он разводит понятия произведения и текста [10. С. 413–423]. По мнению ученого, «произведение

замкнуто, сводится к определенному означаемому. <...> все произведение в целом функционирует как знак...» [10. С. 416]. В то же время, означаемое в тексте «откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего. <...> в бесконечности означающего предполагается невыразимость (означаемое не поддающееся наименованию), а игра...» [10. С. 416].

Отсюда возникает резонный вопрос, является ли произведение текстом. И нам представляется неправомерным рассматривать его как что-то иное, тем более, что никаких других единиц речи больших, чем предложение, не существует. Другое дело, что текст может быть представлен более мелкими единицами, такими как абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, диктема. Но в любом случае эти единицы — это единицы текста. С Р. Бартом можно согласиться в том, что текст произведения замкнут. В этом проявляется его законченность и завершенность. Причем эти характеристики текста произведения присутствуют, в том числе и в незаконченных произведениях через их интенциональность, т.е. то, как текст был задуман его автором и создавался в связи с этой интенцией.

В одной из своих предыдущих работ мы определяли текст произведения как «завершенный продукт речемыслительной деятельности, характеризующийся концептуальной обусловленностью, формальной связностью и содержательной целостностью, прагматически ориентированный и существующий как в письменной, так и в устной форме, и способный при определенных условиях становиться единицей культуры» [11. С. 12].

Дискурс

Вслед за Р. Бартом мы соглашаемся с тем, что между произведением и тем, что данный исследователь в упомянутой выше статье называл «Текстом», есть определенные различия. Однако, как мы уже отметили, произведение, на наш взгляд, не может быть ничем иным, кроме текста. Поэтому мы говорим о тексте произведения. Субстанцию, наделенную, по мнению Р. Барта, пропозициями неисчислимости, бесконечности, множественности, анонимности, деятельности, игры, мы рассматриваем как дискурс.

Понятие дискурса стало использоваться в науке с середины прошлого века, причем вначале он трактовался как устная речь, затем как текст. В современном языкознании определение дискурса существенно расширилось, включив в себя, помимо самого текста, коммуникативно-прагматические аспекты: цели, установки, знания и представления о мире, участников коммуникации и т.д.

Определение понятия дискурса также, как и определение понятия текста, во многом зависит от задач исследования. Однако ряд характеристик дискурса разделяется многими исследователями и представляется основополагающим для определения этого понятия. Среди них, прежде всего, коммуникативный характер дискурса [12. С. 136–137; 13. С. 527; 14. С. 28; 15. С. 28–30; 16. С. 201; 17. С. 113]. Многие исследователи также подчеркивают

идеологическую направленность дискурса (Ю.С. Степанов [18], Т.А. ван Дейк [17], П. Серио [19], М. Фуко [20], Г.Н. Манаенко [15] и др.) и его деятельностный характер (Н.Д. Арутюнова [21], Л. Гуспин [22], П. Серио [19], В.Е. Чернявская [23] и др.).

«Дискурс, — по мнению В.В. Красных, — имеет два плана — собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [16. С. 200–201], из чего следует, что дискурс можно понимать широко, как любую вербальную активность субъекта/ов, и узко, как «результат этой деятельности — текст или совокупность текстов с учетом их экстралингвистических характеристик» [11. С. 18]. Именно на этом уровне возникает проблема разграничения текста и дискурса. Мы уже отмечали в своих предыдущих работах, что видим основное различие между этими понятиями в том, что «пространство текста произведения закрыто вследствие его законченности и завершенности, а пространство дискурса открыто в коммуникацию, в другие тексты и дискурсы, в культуру» [11. С. 18]. По образному выражению Ю.С. Степанова, дискурсом любого художественного произведения будет языковая картина мира, создаваемая этим произведением [24. С. 36].

Однако картина мира читателя создается не только автором и его текстом, но и сотворчеством читателя: его идеологией, культурой, интеллектом, образованием, его эмпатией и антипатией, его вкусами и эстетическими приоритетами, на которые наслаиваются вкусы, идеи и приоритеты времени. Вот почему в разные времена произведения могут быть прочитаны по-разному. Мы еще раз подчеркнем солидарность с Р. Бартом в его разграничении произведения и текста, однако в нашей интерпретации — это будет разграничением текста произведения и его дискурса, который неисчислимо, бесконечен и множествен.

Диктема как минимальная единица текста

Рассматривая текст как базовое понятие анализа, мы сталкиваемся с необходимостью определения его минимальной единицы, в которой бы как в капле воды отразились основные характеристики текста. В лингвистике и литературоведении в качестве таких единиц предлагались абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и многие другие понятия. Однако предложенная М.Я. Блохом единица текста — диктема, с ее основными функциями тематизации и стилизации, оказалась наиболее аргументированной. М.Я. Блохом и его учениками и последователями подробно описаны эти функции, а также место и роль диктемы в иерархической структуре языка, где она заполняет нишу между предложением и целым текстом.

Все единицы языка (начиная с уровня предложения — это не конкретные единицы, а лишь их схемы) обладают характеристиками знака, т. е. имеют форму, значение и выполняют определенные функции. И именно в диктеме эти знаковые характеристики воплотились наиболее «грубо, зримо». Что касается формы, диктема — минимальная единица текста, формируемая предложениями или даже одним предложением. К функциям диктемы, помимо тематизации и стилизации, мы добавляем функцию концептуализации. Через эти функции диктема реализует свое значение — смысл (смыслообразование), которое невозможно ни на каком другом уровне. Смысл рассматривается нами как концептуализация (идеологизация) темы через ее предикацию к авторской интерпретации.

Возвращаясь к смыслу произведения вообще и художественного произведения в частности, мы сталкиваемся с проблемой определения темы произведения. Этой проблеме уделяли внимание многие исследователи и за рубежом, и в отечественной лингвистике (Дж. Браун, Дж. Йюл [25], ван Дейк [26], Grimes [27], Givón [28], О.И. Москальская [29] и многие, многие др.). Большинство исследователей пытались решить эту проблему на уровне предложения. Однако у предложения нет и не может быть функции тематизации. При этом она может появиться, если предложение будет выражать диктему (также, как слово может представлять предложение). Несмотря на то, что в основе и предложения, и диктемы лежит категориально-пропозиционная структура, функции у этих пропозиций разные: «на уровне предложения — это категориально-регулятивная, или логическая функция, а на уровне текста — категориально-когнитивная, или тематическая» [30. С. 212].

Данный анализ характеризует диктему с точки зрения тех функций, которые она выполняет в речи, как единица смыслообразования. Однако диктему можно рассматривать не только с точки зрения ее функций, но и со структурных, синергетических позиций. При системном подходе к языку и порождаемой им речи, в которой действуют холистические законы, мы полагаем возможным рассматривать диктему как фрактал (от лат. *fractus*), т.е. дробленный, сломанный, разбитый). Понятие было введено в научное употребление французским и американским математиком Б. Мальдебортом и означает единицу множества, а также само множество со свойствами самоподобия. Это сравнительно новое понятие еще не попало в словари и энциклопедии, однако, как полагает В.В. Тарасенко, это «особо и не нужно после того, как родилась интересующая практика научного применения категории» [31]. Различается жесткое и нежесткое самоподобие, в основе которых лежит соответственно инвариантный и ковариантный фрактал. Термин «ковариантный» принадлежит Н.В. Тимофееву-Ресовскому.

Принцип гомоморфизма или, другими словами, общего подобия в тексте проявляется в том, что он (текст) состоит из самоподобных единиц, диктем, которые находятся в ковариантном самоподобии.

В основе фрактального подхода лежит нелинейность текста, т.е. неоднозначность его структуры и семантики, когда отсутствуют четкие границы между частями и целым произведением. Части при этом «бесконечно иерархизированы, перепутаны, наложены друг на друга» [31]. Нелинейность означает «необратимость и многовариантность эволюции, возможность неожиданных изменений темпа и направления течения процессов» [32. С. 208]. Она характеризует любую открытую систему. Как в детском калейдоскопе, элементы могут сложиться в различные конфигурации. Однако главное при фрактальном подходе — не элементы, а структура.

По мнению В.И. Аршинова и В.Э. Войцеховича, фрактал понимается «и как предмет, и как средство исследования» [33]. Таким образом, важно не только то, что анализируется, но и то, каким образом осуществляется этот анализ. Среди характеристик становления любой системы В.Г. Буданов отмечает ее неустойчивость и незамкнутость (открытость) [34. С. 346]. Незамкнутость на уровне текста наблюдается при его создании и прочтении, когда он (текст) открывается в дискурс, в коммуникацию с читателем, другими текстами и дискурсами.

Благодаря своей неустойчивости «текст, по мнению Ю.М. Лотмана, <...> оказывается способным к саморазвитию» [35. С. 36]. На уровне создания текста его неустойчивость обусловлена многовариантностью его возможного развития. На уровне читателя неустойчивость текста проявляется в возможности его различных интерпретаций. Бытие текста также, как и его становление, обусловлено синергетическими законами гомеостатичности и иерархичности. В языке и речи, по мнению А.В. Кравченко, гомеостатичность проявляется через автопоэз, понимаемый как самосоздание, самопорождение, самоорганизация системы, при которых «сохраняется не одно какое-то свойство, а организация самой системы как единого целого» [36. С. 48]. Гомеостатичность на уровне текста проявляется через его законченность и завершенность, благодаря чему текст сохраняет свою стабильность.

Иерархический характер текстовой структуры подчеркивали многие исследователи (Н. Хомский [37], Ю.М. Лотман [35], В.Г. Буданов [34]). Так, по определению Ю.М. Лотмана, текст — это «семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются языки» [35. С. 35]. В.Г. Буданов подчеркивал составную природу «вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-космос, для высшего есть бесструктурного элемента хаоса строительный материал. То есть Космос предыдущей структуры служит Хаосом последующей, и мы говорим о нематериальной иерархии, например, в языке (фонемы, морфемы, слова, фразы, тексты...)» [34. С. 344]. Все единицы языка (в том числе рассматриваемые в виде схем) вырастают из хаоса нижележащих уровней. Минимальная единица текста, диктема, являясь «космосом» для всех его нижележащих уровней, вбирает в себя их функции

и добавляя к ним те новые, которые появляются лишь на ее уровне. Это функции тематизации, концептуализации и стилизации, которые в полной мере могут проявиться лишь на уровне текста.

Языковая личность автора, нарратора и читателя

При таком холистическом подходе к тексту возрастает роль той позиции, которую занимает его автор. Как совершенно справедливо отмечал М. Фуко, «описать высказывание — не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания» [20. С. 95–96] (с появлением диктемной теории высказывание, как минимальную единицу текста, также можно рассматривать как диктему). Более того, важна не только позиция, точка зрения автора произведения, но и позиция его читателя и/или зрителя. Другими словами, роль языковой личности автора, нарратора и читателя.

Особенно актуальна проблема позиции языковой личности автора для публицистических текстов, основная функция которых — это функция воздействия. Однако функция воздействия для публицистического произведения существенным образом отличается от функции воздействия художественного текста. Если для последнего — это эмотивная функция, опосредованная эстетической информацией, то для текста публицистического — это манипулятивная функция, и роль этой функции для публицистики и для медийных текстов вообще неуклонно растет.

Манипуляция — это отношение к другому человеку/людям не как к субъектам, а как к объектам для достижения определенных целей. Однако манипулятор чаще использует скрытое давление, которое может строиться на интриге, провокации и даже на прямом обмане. Одним из способов манипуляции является умолчание о фактах и явлениях, нежелательных для манипулятора. При этом для него важно произвести положительное впечатление, поэтому он вынужден до определенной степени учитывать интересы, ценностные ориентиры, желания тех, на кого направлены его манипуляции. Роль автора М. Фуко рассматривает «как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как центр их связности» [38. С. 13].

Однако последователи постмодернизма Ж. Деррида, Дж.Х. Миллер, Ж. Лакан, Ю.Ю. Кристева, Р. Барт и др., развивая синергетические идеи самоорганизации текста, приходят к полной элиминации автора. Так, Р. Барт писал, что «присвоить тексту Автора — это значит, как бы застопорить текст, наделять его окончательным значением, замкнуть письмо» [10. С. 389]. «Смерть автора» приводит к «рождению читателя», который рассматривается не как потребитель, а как производитель текста. По мнению Р. Барта, читатель, — это «*некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный

текст» [10. С. 390]. Однако фигура читателя не заменяет фигуру автора. Фигуру субъекта, по Р. Барту, представляет сам язык: «говорит не автор, а язык как таковой, <...> сам язык действует, “перформирует”» [10. С. 385–386]. «Смерть субъекта» стала революционным направлением в науке. Однако, как это часто бывает с очень радикальными теориями, вскоре практически те же самые исследователи приступили к «воскрешению» автора, субъекта и Бога.

Возвращаясь к позиции языковой личности субъекта, которого применительно к тексту можно рассматривать как языковую личность автора и языковую личность нарратора, хотелось бы добавить, что она, эта позиция, определяется и жизненным опытом, и моральными установками, и, возможно, индивидуальными психологическими чертами автора произведения, который стоит за языковой личностью нарратора этого произведения. Так, например, жесткость и даже жестокость героя-нарратора из рассказа З. Прилепина¹: «Какой случится день недели» по отношению к бомжам, которые могли, по мнению возлюбленной героя Марысеньки, сожрать дворовых щенков (что не подтвердилось в рассказе), возможна только в том случае, если автор разделяет позицию: свой — чужой; и возможность любого отношения к «чужому».

Данный подход справедлив и для публицистики, даже в том случае, если приводятся какие-либо цитаты, которые очень наглядно характеризуют того, кто их употребляет. И не только адресанта, но и адресата, на которого они рассчитаны с целью понравиться, произвести впечатление.

Публицистический дискурс, и особенно его политическая разновидность, по определению манипулятивен. И если ценностные ориентиры общества, к которому апеллирует текст, достаточно высоки, то и автор этого текста должен их учитывать и на них ориентироваться. Это своего рода страховка, которую может обеспечивать общественное сознание и/или, другими словами, коллективное бессознательное нации или народа.

Гораздо хуже, когда запросы общества принижены, и, чтобы завоевать его расположение, приходится не стремиться вверх, а спускаться вниз по лестнице моральных ориентиров. Поэтому словарь и риторика любого политика характеризуют не только этого политика, хотя, конечно, и его тоже, но и тех, к кому он обращается в надежде найти поддержку. Таким образом, можно говорить, что в основе идейного концепта языковой личности нарратора художественного произведения и автора произведения публицистического лежит не только идеологическая установка языковой личности автора высказывания (текста), но и идеологические симпатии языковой личности получателя информации (читателя/слушателя). В такой симпатии–антипатии и выражается коллективное бессознательное нации или народа. И в этой

¹ *Прилепин З.* Какой случится день недели // Грех. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 7–49.

связи применительно к публицистическим текстам можно говорить о коллективной ответственности общества, хотя, конечно, и до определенной степени.

Хотелось бы добавить, что, помимо идеологического концепта, мы также выделяем, особенно для художественных текстов, и эстетический концепт, который определяется не только эстетическими (стилистическими) предпочтениями языковой личности автора произведения, но и эстетическими приоритетами своего времени. Так, Л.А. Новиков подчеркивал «целостное единство художественного текста и его эстетическое восприятие» [39].

Анализ художественного произведения

Для иллюстрации наших рассуждений рассмотрим рассказ Рейчел Джойс «Деревья» (*Rachel Joyce Trees*)². Феноменологическая эпистемология обращает внимание на то, что при восприятии художественного произведения читатель первоначально интуитивно выделяет особо значимые явления (феноменологическое интуирование).

Рассказ включен в сборник Р. Джойс «Заснеженный сад» (*Snow Garden*). И несмотря на то, что сборник состоит из отдельных рассказов, их объединяют общие герои и эпиграф: *A society grows great when old men plant trees whose shade they know they will never sit in* (Greek proverb) ‘Общество развивается тогда, когда старики сажают деревья, в тени которых им уже не придется отдохнуть (греческая пословица)’ (перевод наш — З.А.).

С точки зрения синергетического подхода, текст имеет иерархическую структуру: некоторые его части являются более важными, значимыми и, соответственно, более выделенными, сильными. Эпиграф относится к таким сильным позициям текста наряду с началом, концом, гармоническим центром, заглавием. Это означает, что идея связи человеческой жизни с будущими поколениями важна для данного сборника и особенно актуальна для данного рассказа, потому что именно в этом рассказе его главный герой Оливер помогает отцу посадить двадцать деревьев в различных местах города за несколько месяцев до смерти отца.

Отношения Оливера с отцом были сложными: *he had clashed with his father over everything*³. Но, сажая деревья со стариком, Оливер начинает его понимать: *Oliver thought of all those summers he'd played alone on the beach, building sandcastles while his father sat beside his mother. <...> And it occurred to him that his father had been frightened of getting it wrong, even with sandcastles. That was why his father rarely went anywhere. That was why he never did anything. Because he had always been so certain that, faced with the challenge of being a father, he could only fail*⁴.

² *Joyce R. Trees. A Snow Garden and Other Stories. BLACK SWAN, 2016.*

³ *Joyce R. Trees. A Snow Garden and Other Stories. BLACK SWAN, 2016. С. 198.*

⁴ *Joyce R. Trees. A Snow Garden and Other Stories. BLACK SWAN, 2016. С. 215.*

Тема рассказа «посадка деревьев» предидируется к ее авторской интерпретации, которая наиболее ярко представлена в эпиграфе, и таким образом концептуализируется: посадка деревьев связывает нас с будущим, которое мы, возможно, и не увидим, особенно, если мы не молоды. Однако, как мы уже отмечали, концепт художественного произведения имеет дуалистическую природу, включая, помимо идейных, и эстетические характеристики. Так, в данном рассказе через его эпиграф прослеживаются черты интертекстуальности. Связь с гипертекстом носит не только абстрактный характер, но и проявляется в том, что все рассказы в сборнике так или иначе связаны между собой, хотя связь эта — не прямолинейна и не является причинно-следственной. Рассказ характеризуется фрагментарностью. В этом проявляются постмодернистские черты данного произведения.

Заключение

Дискурс в данном исследовании рассматривался широко как любая вербальная деятельность языковой личности, и узко — как результат этой деятельности, который не может быть представлен ничем иным, кроме текстов. Однако дискурс как результат отличается от текста в его базовом понимании, потому что дискурс — это открытое пространство для коммуникации, дискуссии, а текст закрыт в силу его завершенности, поэтому не всякий текст — дискурс, а только тот, который понятен потребителю и только в момент его создания и потребления. Поэтому текст, например, по философии не будет дискурсом для человека, который ничего в философии не понимает, или в том случае, если он будет написан на языке, который не знаком этому человеку. Предложенные Р. Бартом понятия произведения и текста мы трактуем как текст произведения и открытый, неисчислимый дискурс. В качестве единицы текста рассматривается диктема, так как в ней, в отличие от всех нижележащих уровней, проявляются все текстовые функции: тематизации, концептуализации и стилизации, делая ее единицей смыслообразования, минимальным возможным текстом. Диктема рассматривается и с элементаристских, и с холистических позиций как фрактал, формирующий пространство целого текста по синергетическим законам. Подчеркивается идеологическая роль языковой личности и при создании, и при потреблении текста.

Библиографический список

1. *Werlich E.A.* Text Grammar of English. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1976.
2. *Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. London: Longman Group Ltd., 1976.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
4. *Солганик Г.Я.* К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII—XIII. М.: Наука, 1984. С. 176–177.
5. *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999.
7. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985.
8. Болотниova Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992.
9. Блох М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. С. 5–9.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
11. Асратян З.Д. Смыслообразующая роль диктемы в художественном тексте: монография. М.: МПГУ, 2020.
12. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.И. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) М.: Эдиториал УРСС, 2006.
15. Манаенко Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. Выпуск 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 22–32.
16. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
17. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
18. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
19. Серю П. Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интер-дискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект. С. 549–562. 2001.
20. Foucault M. Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. Tran-ed. by A.M. Sheridan Smith [Electronic resource]. New York: Pantheon books, 1972. Режим доступа: monoskop.org/images/9/90/... (дата обращения: 22.04.2022).
21. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
22. Guespin L. Problematique des travaux sur le discours politique // Language. 1971. № 23. P. 3–24.
23. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.
24. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 5–42.
25. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge University Press, 1983.
26. Van Dijk T.A. Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction and Cognition. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980.
27. Grimes J.E. The thread of discourse. The Hague; P.: Mouton, 1975. <https://doi.org/10.1515/9783110886474>
28. Givon T. From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy. Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax, T. Givon (Ed.). Vol. 12. New York: Academic Press, 1979. P. 81–112.
29. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
30. Асратян З.Д., Асратян Н.М. Лингвистические аспекты понятия темы // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 209–213. <https://10.26140/bgz3-2019-0802-0048>
31. Тарасенко В.В. Метафизика фрактала. 1998. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000254/index.shtml> (дата обращения: 26.01.2023).
32. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
33. Аришинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 107–120.

34. Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // *Философия науки*. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 340–353.
35. Лотман Ю.М. Текст в тексте // *Образовательные технологии*. 2014. № 1. С. 30–42.
36. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: Интеграционные процессы и проблемы метода // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 37–52.
37. Chomsky N. *Language and Mind*. Cambridge: University Press, 2006.
38. Можейко М.А. Синергетика // *Всемирная энциклопедия: Философия XX века / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов*. М.: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2002.
39. Новиков Л.А. *Художественный текст и его анализ*. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

References

1. Werlich, E.A. (1976). *Text Grammar of English*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
2. Halliday, M.A.K. & Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman Group Ltd.
3. Galperin, I.R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Solganik, G.Ya. (1984). On the problem of text modality. In: *Russian language: Functioning of grammatical categories. Text and context. Vinogradov Readings XII—XIII*. Moscow: Nauka. pp. 176–177. (In Russ.).
5. Belyanin, V.P. (1988). *Psycholinguistic aspects of a literary text*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
6. Lukin, V.A. (1999). *Literary text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis: textbook for philological specialties of universities*. Moscow: Os’-89. (In Russ.).
7. Sorokin, Yu.A. (1985). *Psycholinguistic aspects of text study*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Bolotnova, N.S. (1992). *Literary text from the communicative approach and complex analysis of lexical units*. Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russ.).
9. Bloch, M.Ya. (2013). Text in the dynamics of formation and its seven lives. *Language. Culture. Speech communication*, 3, 5–9. (In Russ.).
10. Bart, R. (1989). *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Asratyan, Z.D. (2020). *The meaning-forming role of the dicteme in the artistic text*: monograph. Moscow: MPSU. (In Russ.).
12. Arutyunova, N.D. (1990). Proposition. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. V.I. Yartseva (Ed.). Moscow: Sov. Encyclopedia. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the perception of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
14. Dymarsky, M.Ya. (2006). *Problems of text formation and literary text (on the material of Russian prose of the 19th—20th centuries)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
15. Manaenko, G.N. (2005). Cognitive foundations of the information-discursive approach to the analysis of linguistic expressions and text. In: *Language. Text. Discourse: Interuniversity scientific almanac*. G.N. Manaenko (Ed.). Iss. 3. Stavropol: PSLU Publ. pp. 22–32. (In Russ.).
16. Krasnykh, V.V. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
17. Dijk, T.A. van. (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress. (In Russ.).
18. Stepanov, Yu.S. (1995). Alternative world, discourse, fact and principles of causality. In: *Language and science of the end of the XX century*. Yu.S. Stepanov (Ed.). Moscow: RSHU. pp. 35–73. (In Russ.).
19. Serio, P. (2001). Discourse analysis within the French school (Discourse and inter-discourse) // *Semiotics: Anthology*. Moscow: Academic Project, pp. 549–562. (In Russ.).
20. Foucault, M. (1972). *Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. A.M. Sheridan Smith (Trans.). New York: Pantheon books. URL: monoskop.org/images/9/90/... (accessed: 22.04.2022).
21. Arutyunova, N.D. (1990). Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, V.I. Yartseva (Ed.). Moscow: Sov. Encyclopedia. (In Russ.).

22. Guespin, L. (1971). Problematique des travaux sur le discours politique. *Languages*, 23, 3–24.
23. Chernyavskaya, V.E. (2006). *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
24. Stepanov, Yu.S. (2001). In the world of semiotics. In: *Semiotics*. Moscow: Academic project. pp. 5–42. (In Russ.).
25. Brown, G. & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Van Dijk, T.A. (1980). *Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction and Cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
27. Grimes, J.E. (1975). *The thread of discourse*. The Hague; P.: Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110886474>
28. Givon, T. (1979). From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy. In: *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. T. Givon (Ed.). Vol. 12. New York: Academic Press. pp. 81–112.
29. Moskalskaya, O.I. (1981). *Text Grammar*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
30. Asratyan, Z.D. & Asratyan, N.M. (2019). Topic and its Linguistic Aspects. *Baltic Humanitarian Journal*, 8–2(27), 209–213. <https://doi.org/10.26140/bg3-2019-0802-0048> (In Russ.).
31. Tarasenko, V.V. (1998). *Fractal Metaphysics*. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000254/index.shtml> (accessed: 01.26.2023). (In Russ.).
32. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
33. Arshinov, V.I. & Voitsekhovich, V.E. (2000). Synergetic knowledge: between network and principles [Electron. resource] In: *Synergetic paradigm. Variety of searches and approaches*. Moscow: Progress-Tradition. pp. 107–120. URL: <http://esoterika303.narod.ru/yoga27.htm> (accessed: 01.24.2023). (In Russ.).
34. Budanov, V.G. (2002). Principles of synergetics and the language. *Philosophy of Science. Iss. 8: Synergetics of human-dimensional reality*. Moscow: Institute of Philosophy of RAS. pp. 340–353. (In Russ.).
35. Lotman, Yu.M. (2014). A Text within a text. *Educational technologies*, 1, 30–42. (In Russ.).
36. Kravchenko, A.V. (2004). Cognitive Linguistics Today: Integration Processes and Method Problems. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 37–52. (In Russ.).
37. Chomsky, N. (2006). *Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Mozheiko, M.A. (2002). Synergetics. In: *World Encyclopedia: Philosophy of the XX century*. A.A. Gritsanov (Ed.). Moscow: AST, Minsk.: Harvest, Modern writer. (In Russ.).
39. Novikov, L.A. (2007). *Fiction text and its analysis*. Moscow: LK. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Асратян Зоя Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Университет науки и технологий МИСИС (119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, стр. 1), Хулунбуирский университет (021008, Китай, Внутренняя Монголия, р-н Хайлар, г. Хулунбуир, ул. Хуэфу, 89); *сфера научных интересов*: теория речевых актов, нарратология, риторика; когнитивная лингвистика, лингвистика текста; *e-mail*: asratyan@mail.ru
SPIN-код: 4579-5483, AuthorID: 778237.

Information about the author:

Zoya D. Asratyan, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Communication Technologies, MISIS University of Science and Technology (b. 1, 4, Lenin avenue, Moscow, Russian Federation, 119049), Hulunbuir University (89, Xuefu Road, Hulunbuir, Hailaer District, Inner Mongolia, China, 021008); *Research interests*: theory of speech acts, narratology, rhetoric; cognitive linguistics, text linguistics; *e-mail*: asratyan@mail.ru
SPIN-code: 4579-5483, AuthorID: 778237.